

УДК 327

ЕВРОПЕЙЦЫ В ЯПОНИИ: ОТ ТОРГОВЛИ К ЗНАНИЯМ

© 2023 **НОСОВ Михаил Григорьевич***

Член-корреспондент РАН

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: mikhailnosov@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.12.2022

После доработки 21.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. Торговые фактории голландцев существовали в Хирадо, а затем в Дэсима на севере-западе острова Кюсю с 1609 г. по 1855 г. Этот период условно можно разделить на две части. В XVII в. и в начале XVIII в. отношения японцев и голландцев отличались взаимной заинтересованностью в торговле и готовностью последних беспрекословно подчиняться жестким правилам пребывания в Японии. Вторая половина характеризуется снижением объемов торговли и ростом взаимного интереса. Объем торговли начал снижаться после того, как сёгунат в 1668 г. запретил экспорт золота и серебра. Несмотря на то, что вывоз меди компенсировал эти убытки, в 1743 г. торговля перестала быть прибыльной. В 1799 г. Голландская Ост-индская компания (VOC) перестала существовать. Это было связано как с потерей рынков в Персии, Индии и Европе, так и с ростом конкуренции с Англией и Францией в борьбе за колониальные рынки. Другая причина банкротства компании – управленческие ошибки руководства: VOC выплачивала дивиденды акционерам в Нидерландах, превышающие ее доходы. Несмотря на экономические потери, обе стороны не спешили прекращать отношения. Для Японии Дэсима оставалась окном в Европу, через которое они получали знания о внешнем мире, о его научных и технических достижениях. Нидерланды, сохраняя факторию в Японии, исходили не только из стремления поддержать статус глобальной империи, но и возможности изучить уникальный интеллектуальный и культурный потенциал японцев. Появление в Японии квалифицированных переводчиков с голландского языка совпало с возникновением интереса у сёгуната к развитию науки, что открыло для страны источник знаний и привело к

возникновению новой отрасли науки – рангаку, которая в переводе означает голландская наука.

Ключевые слова: Европа, голландцы, Нидерланды, Япония, Токугава, рангаку, торговля

DOI: 10.31857/S0201708323030142

EDN: bugbzo

В июне 1636 г. была введена смертная казнь для японцев, пытавшихся покинуть страну, а португальцев из Японии изгнали. Через год голландцам запретили свободное передвижение. В 1639 г. страна была окончательно закрыта для иностранцев за исключением голландцев и китайцев, сохранивших свои торговые фактории в Нагасаки.

Почти полная изоляция страны от внешнего мира привела к развитию внутреннего производства и торговли. В Японии существовала хорошо действующая система товарно-денежных отношений, функционировали до сих пор существующие торгово-промышленные дома (например, Сумитомо и Мицуи)¹, купеческие гильдии и мануфактуры. Немаловажным фактором развития страны был высокий уровень грамотности населения². Япония обладала сильной централизованной властью и самобытной культурой. После битвы при Сэкигахаре в 1600 г., когда к власти пришел сёгунат Токугава, до его падения в 1868 г. страна не знала войн. Главное последствие изоляции Японии – жесткая ограничительная политика в отношении европейцев. Она уберегла страну от судьбы подавляющего большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки, ставших колониями европейских стран³.

Однако у изоляции страны были недостатки. Если в Европе накопление и распространение знаний имело широкое поле для обмена идеями между странами, то для Японии приток достижений европейской науки и культуры шел только через Нидерланды и крошечный остров Дзесима, где, сменяя друг друга, постоянно находились менее 20 голландцев.

Присутствие голландцев в Японии XVII в. отличалось выгодной для обеих сторон торговлей и достаточно суровым отношением японцев к европейцам, но с

¹ Основателями этих компаний были Сумитомо Масатома, открывший в 1630 г. в Киото магазин по продаже лекарств и книг, и Мицуи Такатоси, основавший в конце XVII в. в Эдо магазин по продаже тканей. Первый отказался от монашества в буддийском монастыре, а второй перестал быть самураем.

² Если в начале периода Токугава большинство населения не умело ни читать, ни писать, то благодаря созданию системы государственных и частных школ уровень грамотности в Японии в середине XIX в. был сопоставим с показателями европейских стран.

³ В Африке этой участи избежала Либерия, которая находилась под контролем США. В Азии кроме Японии независимость сохранили Афганистан, Непал, Персия и Китай, вынужденный уступить часть своих территорий колониальным державам. Северная Америка целиком принадлежала Англии и Испании, а Южная – Испании, Португалии, Нидерландам и Франции.

начала XVIII в. режим пребывания последних был значительно смягчен. Правивший с 1716 по 1745 гг. сёгун Ёсимунэ Токугава (1684–1751), осознавая отставание изолированной страны, в 1720 г. разрешил ввоз европейских книг. Однако официальные японские переводчики, чьи знания ограничивались устным общением с голландцами, имели весьма скудный запас слов и практически не знали грамматику голландского языка. Во многом это было результатом политики сёгуната, ограничивающей общение японцев и голландцев¹. Ёсимунэ принял решение сотрудничать с японскими учеными, проявляющими интерес к голландским книгам. Стимулом стало знакомство сёгуна с последними. Точность иллюстраций анатомических атласов произвела на него впечатление и вызвала интерес к тексту медицинских книг. Сёгун стал покровителем школы изучения научных достижений голландцев. По его приказу в Нагасаки отправили молодых японцев для общения с голландцами на Дэсима и изучения языка и письменного перевода. Развитие науки требовало переводчиков – «почтовых лошадей просвещения» [Пушкин, 1978: 354].

Страхи сёгуната относительно опасного влияния католицизма развеяли осторожность и покорность голландцев. Режим жизни европейцев был смягчен, и общение голландцев и японцев стало более оживленным. С середины XVII в. в Японии начали появляться переводы голландских книг. Изучение научных достижений Европы, как отрасль науки, получило название голландоведение – рангаку (от «орандо» – Голландия и «гаку» – наука). Японцы в первую очередь интересовались научными достижениями в медицине, поскольку сёгуны были озабочены своим долголетием.

Рангаку – голландская наука

Распространение европейских знаний зависело от знаний голландского языка. Была существенная разница между официальными переводчиками Дэсимы, чья работа ограничивалась устным переводом по торговой тематике, и японцами, которые стремились познать достижения и секреты европейской науки. По словам врача Сугита Гэнпаку (1733–1817), стремящегося изучить голландские достижения в медицине, весной 1767 г. во время встречи с голландцами в Эдо, главный японский переводчик убеждал его, что голландский язык невозможно понять, а тем более выучить. Во время встречи в следующем году Сугита увидел у переводчика голландскую книгу по анатомии и выпросил ее на несколько дней. Читать он не мог, но ему удалось скопировать все гравюры с изображениями внутренностей организма человека. Это был анатомический атлас немецкого врача Л. Хейстера (1683–1758). Иллюстрации настолько поразили Сугиту, что он упросил своего даймё дать деньги на покупку голландских книг по медицине [Theodore de Bary, 2005: 502].

¹ Португальцы – предшественники голландцев в общении с японцами – успели создать достаточную для повседневного общения прослойку людей, владеющих португальским языком. Для японцев были открыты школы по изучению языка, многие португальцы освоили японский язык. Португальский язык для голландцев в начале их пребывания в Японии был единственным средством общения с японцами.

Изучение голландской науки было связано в первую очередь с медициной и астрономией. Сложность изучения европейской медицины была связана не только с отсутствием названий некоторых органов в японском языке, но и с принятыми в Японии китайскими медицинскими догмами. Согласно китайской трактовке, здоровье человека зависит от чисел и символов и определяется как взаимодействие между инь и янь – противостоящими друг другу началами. Европейцы рассматривали организм человека как единое целое, где каждый орган имеет свою функцию.

В 1771 г. Сугита и его коллеги присутствовали при вскрытии трупа казненной женщины. Они тщательно сравнивали увиденное с иллюстрациями в голландской книге по анатомии А. Кулмуса. Через три года она была переведена под заголовком «Новый текст по анатомии» (Кайтай синсо) и состояла из четырех томов, хотя в начале работы переводчики знали только несколько голландских слов, обозначающих основные внутренние органы человека. Книга была издана в переводе с японского на классический литературный китайский язык (камбун).

Описывая трудности, связанные с переводом, Сугита писал, что «однажды мы прочли, что нос на голландском означает *“verhevene”* (возвышение). Мы долго раздумывали, чтобы это могло значить, однако в голову ничего не приходило. Настоящего словаря у нас не было, а в тоненьком разговорнике, купленном в Эдо, мы прочли, что когда обрубает сук на дереве, то остается *“verhevene”*. Далее было написано, что когда подметают двор, то на земле остается *“verhevene”* из пыли и грязи. Мы пытались сопоставить то и другое, но ничего не получалось. Неожиданно мне пришлось в голову, что, когда мы отрубает ветку от дерева, она торчит вверх, когда мы собираем пыль и грязь на дворе, она собирается в бугорок. Нос на лице выглядит как бугорок посередине лица, поэтому слово *“verhevene”* возможно означает “торчит”. Мои товарищи согласились со мной, и фраза сразу обрела смысл. Мы были несказанно рады и чувствовали, как говорилось в старой китайской поговорке, что “нашли драгоценный камень ценой в пятнадцать замков”. Вот так мы находили японские эквиваленты голландским словам, расширяя наш словарный запас и пополняя словарь, который составлял переводчик Маэно Рётаку (1723–1803)» [Sugita, 1969: 28–29]. Перевод атласа А. Кулмуса – отправной момент в распространении западной медицины в Японии. Как позже писал Сугита в своих воспоминаниях, «когда одна собака начинает лаять, вся улица воеет на луну» [Sugita, 1969: 44].

Появление в Японии европейской медицины способствовало успехам в лечении многих болезней. В середине XVIII в. самым распространенным эпидемическим заболеванием в мире была оспа. В Японии эпидемии этой болезни повторялись примерно раз в десять лет, а уровень смертности составлял от 40 до 65 процентов. В 1796 г. английский врач Э. Дженнер создал вакцину против оспы. В Нидерландах вакцинация началась в 1799 г. Попытки голландцев использовать вакцину Э. Дженнера в Японии и на Яве оказались неудачными, поскольку было невозможно при доставке из Европы сохранить ее лечебные свойства¹. Только в 1849 г.

¹ В Японии первые попытки вакцинации были сделаны Накагава Городзи, рыбаком, попавшим в Россию в 1807 г. В 1824 г. он вернулся в Японию и привез на Хоккайдо так называ-

немец Отто Монике (1814–1887) и рангакуся Нарабаяси Сокен (1802–1852) начали делать в Нагасаки прививки от оспы вакцинной, привезенной из Джакарты. Это положило начало массовой вакцинации в Японии, т. к. вместе с вакциной японцы получили метод ее изготовления.

Посольства в Эдо

Распространению голландской науки способствовали регулярные посольства руководства фактории в Эдо для демонстрации лояльности. После того как первый директор фактории Ж. Спекс в сентябре 1609 г. прибыл в Японию и из рук сёгуна получил грамоту, разрешавшую голландским кораблям заходить в любые порты страны, была достигнута договоренность о ежегодных визитах ко двору. Однако первый визит состоялся только в 1633 г., поскольку попытки голландцев установить межгосударственные дипломатические отношения оказались неуспешными. Японцы, убедившись, что голландцы не стремятся обращать их в христианство, были готовы торговать, но не хотели признавать равенство государств. Фактически руководителя голландской фактории приравнивали к даймё (губернатору) провинции, в чьи обязанности входило ежегодное посещение Эдо. Оно символизировало покорность и преданность сёгуну¹. Голландцы демонстрировали готовность подчиняться всем указаниям и ограничениям. После 1764 г. посольства направлялись один раз в два года, а с 1790 г. – в четыре года. Подарки отправлялись ежегодно. До 1853 г. Эдо посетило 167 голландских посольств [Joby, 2021: 27].

Несмотря на протокольный характер, путешествие в Эдо через всю Японию давало возможность голландцам получить сведения о стране, а японцы могли увидеть европейцев и познакомиться с ними. В представлении многих жителей Японии последние были скорее демонами, чем людьми.

Подготовка визитов занимала много времени и стоила достаточно дорого. Она начиналась с выбора подарков и согласования их с губернатором провинции Нагасаки, чья власть распространялась сначала на Хирадо, а затем на Дэсиму. По оценке Э. Кемпфера, посольство 1692 г. обошлось компании в 4000 фунтов стерлингов, что в то время было достаточно большой суммой. На подарки сёгуну и чиновникам в Эдо уходила почти половина суммы, затраченной на подготовку [Kaempfer, 1906: 359]. «Самые изысканные диковинки природы и искусства покупались и привозились для ежегодных подарков сёгуну, его советникам и чиновникам высокого ранга в

ему Оспенную книгу с описанием методики прививок, изданную в Москве в 1805 г. Городзи успешно делал прививки на Хоккайдо.

¹ В отношении даймё в сёгунате действовали правила «Санкин котай» (поочередное прибытие на службу), что, по сути, было системой заложничества, при которой его семья должна жить в столице, а он был обязан посещать Эдо в соответствии с существовавшим расписанием. При этом численность свиты, сопровождающей даймё, зависела от доходов. Численность сопровождавших варьировалась от 4 до 20 всадников, от 20 до 130 пеших воинов, от 30 до 300 слуг и носильщиков. Пребывание даймё в Эдо длилось от 6 месяцев до года, а голландцы находились в столице от недели до месяца. Условия совершения поездки в Эдо определялось не только доходами даймё, но и оценкой его лояльности сёгунату.

Эдо, Мияко (Киото) и Осаке. Странные и редкие животные покупались в самых отдаленных королевствах Европы, в Персии и в Индии, чтобы иметь возможность удовлетворить их часто нелепые и причудливые прихоти. Они хотели получить от нас таких странных по цвету и форме животных, которых, возможно, никогда не существовало в природе, но они убеждали нас, что они видели их изображения» [Kaempfer, 1906: 278]. Китайцы, чей доход от торговли многократно превышал прибыль голландцев, были лишены этой привилегии¹.

Кавалькада двигалась пешком из Нагасаки в Кокуру на восточной оконечности Кюсю. Члены голландского посольства и высокопоставленные чиновники из Нагасаки ехали на лошадях или в паланкинах. Затем они плыли в Симоносеки, а оттуда шли снова пешком в Осаку и далее по дороге Токайдо в Эдо.

Путешествие 1691 г. с участием немецкого врача Э. Кемпфера началось 10 февраля. Дорога в Эдо и обратно занимала около трех месяцев. Длинная кавалькада, состояла из 3-4 голландцев и около 200 японцев. 19 февраля они пришли в Кокуру (Китакюсю), через пролив Каммон между Кюсю и Хонсю переправились в Симоносеки, откуда по Внутреннему морю отправились в Осаку, куда прибыли 24 февраля. 28 февраля посольство продолжило путь в Мияко и 2 марта по дороге Токайдо в Эдо, куда посольство пришло 10 марта, преодолев 1484 километра.

По пути путники посетили 33 больших города, 75 меньших городов и бесчисленное количество деревень. Трех голландских послов всегда сопровождала многочисленная свита. По подсчетам врача посольства шведа К. Тунберга (1743–1828) в 1755 г. их сопровождали около 200 японских чиновников, переводчиков, охранников, поваров, носильщиков и слуг [Thunberg, 1905: 95]. В книге Ф. Зибольда, посетившего Эдо в 1826 г., только перечисление участников процессии и их должностей заняло три полные страницы [Siebold, 1841: 89–91].

Официальная процедура аудиенции была формальной и краткой. Японцы зачитывали директору фактории правила торговли и поведения голландцев. Далее следовал обмен любезностями и взаимными обещаниями соблюдать правила торговли. Что касается неофициальной части аудиенции, то в 1691 г., по словам Э. Кемпфера, она была «абсолютным фарсом». Император, сидевший за ширмой среди дам почти напротив голландцев, приблизился и сел рядом с ними. «Он приказал нам снять наши шляпы и плащи, которые являются нашей церемониальной одеждой, затем потребовал встать прямо, чтобы он мог видеть нас целиком, снова ходить, стоять на месте, говорить друг другу комплименты, танцевать, прыгать, изображать пьяницу, говорить на ломаном японском, читать по-голландски, рисовать, петь, надевать и снимать плащи» [Kaempfer, 1906: 93].

Церемония во дворце сёгуна напоминает сцену представления Гулливера в Бробдинггете, описанную Джонатаном Свифтом в книге «Приключения Гулливера». Работа Э. Кемпфера «Достопримечательности экзотических стран» (*Amoenita-*

¹ Отношение японцев к китайцам в Дэсима сильно отличалось. По отношению к китайцам японцы вели себя бесцеремонно, вплоть до применения к ним физических наказаний. К голландцам японцы относились с подчеркнутой вежливостью, хотя жители фактории назидательно приглашались на экзекуцию китайцев и провинившихся японцев.

tum Exoticarum) вышла на латыни в 1712 г. в Лемго, на родине автора. Возможно, Дж. Свифт, чьи «Путешествия Гулливера» были опубликованы в 1726 г., читал книгу немецкого ученого. По словам Гулливера, «я брал наперсток, наполненный вином, и выпивал за здоровье публики. Я выхватывал шпагу и размахивал ей, как это делают учителя фехтования в Англии. Конечно, было оскорбительно играть роль какой-то чудесной диковины, которую выставляют напоказ. Но я чувствовал себя совершенно чужим в этой стране и полагал, что в моем несчастье никто не вправе будет упрекнуть меня, если мне случится возвратиться в Англию. Даже сам король Великобритании, окажись он на моем месте, был бы вынужден покориться такому унижению» [Свифт, 2010: 114]. Э. Кемпфер оправдывал это тем, что выгоды от торговли «заставляли голландцев слепо и покорно подчиняться приказам, несмотря на их нелепость и абсурдность» [Kaempfer, 1906: 171].

Начиная с середины XVIII в., с одной стороны, процедура приема японского посольства стала более формальной, с другой – смягчился жесткий режим контроля над голландцами. Это создало условия для более широких контактов японцев с европейцами не только во время пребывания посольства в Эдо, но и долгого путешествия в столицу сёгуната.

Регулярные визиты голландцев в Эдо способствовали получению знаний друг о друге и расширяли горизонты рангаку. Всегда участвовавший в посольстве врач мог встречаться с японскими врачами. К. Тунберг, посетивший Эдо в 1775 г., тепло вспоминал об этих встречах. «Перед отъездом мои ученики попросили выдать им аттестат, в котором были бы приведены данные о тех заданиях, которые я им давал, и успехи, которых они достигли. Поэтому я дал им написанный на голландском языке диплом, что вызвало у них такую огромную радость и гордость, поскольку каждый из молодых докторов мог теперь примерить мантию и шапку доктора. Мне повезло завоевать их любовь и дружбу настолько, что они не только высоко ценили мои знания и мою доброту в передаче им этих знаний, но и любили меня до глубины души и искренне сожалели о моем отъезде. После возвращения я в течение нескольких лет не только поддерживал переписку с ними и моими друзьями из числа переводчиков, но и посылал им небольшие подарки, получая в ответ семена для ботанического сада в Упсале и образцы для коллекции по истории естествознания» [Thunberg, 2005: 206].

Голландцы получили возможность познакомиться с жизнью японцев и экономическими успехами страны. В 1826 г. Ф. Зибольд встретился с хозяином магазинов шелка Этигоя. По словам торговца, клиент мог вернуть шелк или обменять его в любом из многих магазинов Этигоя по всей Японии. Все продажи шли по наличному расчету и фиксированной цене, а при покупке шелка можно было заказать пошив кимоно. Ф. Зибольда поразил масштаб торговли и финансовые возможности торгового дома. На следующий день после встречи торговый дом и все его склады в Эдо сгорели, но уже на следующий день торговля возобновилась, а хозяин прислал голландцам, пострадавшим от того же пожара, своих работников для помощи [Siebold, 1841: 116]. Ф. Зибольд встретился с одним из основателей будущего крупного торгового дома современной Японии Мицуи, которому в то время принадлежали лавки Этигоя по всей стране.

Голландцы и японцы друг о друге

Представления голландцев и японцев друг о друге формировались под влиянием ряда условий. Выразителями впечатлений о японцах в силу сложившихся обстоятельств была малочисленная группа голландцев. За пределами Нагасаки мнение японцев о голландцах складывалось почти при полном отсутствии общения. Нехватка коммуникации порождала легенды, слухи и страхи перед иноземцами.

Немногие европейцы, имевшие возможность общаться с японцами, имели талант и интерес к изложению своих впечатлений. Среди них следует отметить тех, чьи подробные и достаточно точные описания Японии дошли до нашего времени. Прежде всего, это глава фактории в Дэсима голландец И. Титцинг (1745–1812) и врачи фактории: немцы Э. Кемпфер (1615–1716), Ф. Зибольд (1796–1866) и швед К. Тунберг (1743–1828). Кроме интереса к Японии и авторства книг об этой стране, их объединяет пребывание в Дэсима, участие в визитах в Эдо и почти полное незнание японского языка.

Первым посетил Японию в 1690–1692 гг. Э. Кемпфер, автор трехтомника «История Японии» и «Достопримечательности экзотических стран». Рукопись первой была куплена английским коллекционером и меценатом сэром Гансом Слоаном (1660–1753), переведена на английский и издана в 1727 г. в Лондоне. О масштабе исследования говорит обложка первого издания книги. «История Японии предлагает обзор древнего и настоящего состояния государства, и правительства империи; ее храмов, дворцов, замков и других зданий; ее металлов, минералов, деревьев, растений, животных, птиц и рыб; хронологию императоров духовных и светских; их происхождения, религии, обычаев, местного производства, торговли с голландцами и китайцами. Книга написана на верхненемецком языке Энгельбертом Кемпфером, врачом голландского посольства при дворе императора, и переведена с никогда не публиковавшейся рукописи Иоганном Каспаром Шойхцером» [Kaempfer, 1906].

Даже сегодня объем информации, использованной автором для создания исторической хроники, удивляет. Она, как и значительная часть географических сведений, взята из книг португальских авторов, напечатанных в Лиссабоне, Мадриде и Париже. Список многочисленных европейских книг о Японии приведен в предисловии переводчика книги Э. Кемпфера и занимает сорок страниц. Однако наибольший интерес для читателя представляют собственные наблюдения автора. По словам Э. Кемпфера, большую помощь в написании книги ему оказал слуга-японец, которого врач обучал голландскому языку, медицине и астрономии. Он доплачивал ему и поэтому имел возможность покупать необходимые для работы произведения.

История Японии содержит точные наблюдения автора, отражающие живую картину жизни страны и общества в XVII в. Несмотря на строгости и унижения, Э. Кемпфер с большим теплом пишет о японцах, с которыми ему приходилось общаться во время путешествия в Эдо. «Я должен признаться, что, когда мы посещали или принимали гостей во время нашего путешествия, мы обнаружили все то же, что можно было ожидать от любой цивилизованной нации. Поведение японцев, от самого захудалого крестьянина до высочайшего принца или даймё, таково, что всю

империю можно назвать школой вежливости и хороших манер. В них столько чувства врожденной любознательности, что, если им не было бы категорически отказано в свободном и открытом общении и переписке с иностранцами, они бы приняли их с величайшей доброжелательностью и удовольствием» [Kaempfer, 1906: 357]¹.

Образованные европейцы, служившие в Дэсима в период с 1609 по 1853 гг., сумели по достоинству оценить японцев и их культуру. Среди тех, кто внес большой вклад в изучение Японии и активно содействовал развитию сотрудничества между учеными двух стран, следует отметить голландского врача И. Титцинга, занимавшего пост главы фактории в 1779–1784 гг. В 1820 г. в Париже вышла книга «История правящей династии сёгунов – государей Японии в воспоминаниях и рассказах». Она содержит подробную историю сёгуната Токугава, от правления первого сёгуна Иэясу и до начала правления одиннадцатого сёгуна Иэнари, и описание праздников и церемоний [Titsingh, 1822]. Вернувшись в Нидерланды, И. Титцинг продолжал переписку с переводчиками и рангакуся.

Шведский врач и натуралист К. Тунберг, ученик знаменитого биолога К. Линнея, пробыл в Японии с 1775 по 1776 г., но за это короткое время сумел установить тесные связи с японскими врачами-рангакуся, многое узнал о популярном в Японии иглоукальвании и прижигании моксой, помог японцам успешно лечить сифилис, который они называли голландской болезнью. В 1825 г. ему поставили памятник в Нагасаки. К. Тунберг собрал коллекцию из 800 японских растений, из которых девять носят его имя. Она хранится в Упсальском университете. В 1784 г. вышла его книга «Флора Японии», а в 1795 г. в Лондоне – четырехтомник с описанием путешествий К. Тунберга с 1770 по 1779 гг. по Европе, Азии и Африке. Третий том целиком посвящен Японии [Thunberg, 2005].

В отличие от предшественников, пытавшихся представить читателю историю Японии, К. Тунберг ограничивает повествование дневниковыми записями со дня отплытия из Батавии 20 июня 1775 г. до 30 июня 1776 г., когда он вернулся в Нагасаки после визита в Эдо. Дневник завершается кратким описанием быта, языка и характера японцев. В книге приведены постраничный индекс географических мест, упоминаемых в тексте, названия растений, животных, минералов и предметов быта. В конце текста К. Тунберг приводит краткий словарь японского языка.

Ценность книги состоит в непредвзятой оценке. К. Тунберг восхищался трудолюбием и интересом к науке молодых японцев, с которыми он встречался в Эдо. В то же время он считал, что «главным недостатком этого народа является гордыня. Они верят, что им даровано божественное происхождение от небес, солнца и луны. Они считают себя лучше других, что относится и к европейцам. Какая бы обида не была нанесена японцам, она никогда не позволит уязвить их гордость» [Thunberg, 2005: 260]. Оценивая отношения между голландцами и японцами, К. Тунберг писал, что «спесь, которую неосмотрительно демонстрируют не слишком далекие голландцы, их грубое поведение, презрительные взгляды и насмешки вызывают у японцев лишь ненависть. Она становится только сильнее, когда они видят отношения голландцев между собой,

¹ Э. Кемпфер в своей книге шесть раз упоминает вежливость и хорошие манеры японцев.

их жестокое отношение к матросам, их ругань и удары, которыми они осыпают бедняг» [Thunberg, 2005: 29].

Заметный след в отношениях между Европой и Японией в XVIII в. оставил немецкий врач и натуралист Ф. Зибольд, находившийся в стране с 1823 по 1829 гг. и с 1859 по 1862 гг. Он совмещал профессии врача и ботаника. Во время своего первого пребывания в Японии он получил разрешение на медицинскую практику за пределами Нагасаки и в 1824 г. открыл медицинскую школу в пригороде города – Нарутаки-дзюку, где занималось около 50 молодых японцев. С их помощью начала формироваться коллекция японских раритетов и образцов флоры и фауны. В июле 1827 г. коллекция в 89 ящиках была погружена на голландский корабль в Батавию. Шторм повредил судно и выбросил его на берег. Проводившие осмотр корабля японцы обнаружили в одном из ящиков географические карты, считавшиеся в Японии секретными. Карты были конфискованы, а Ф. Зибольд был отправлен под домашний арест. Его освободили и выслали из Японии без права возвращения только в 1829 г. В Нагасаки осталась его двухлетняя дочь от японки, спустя много лет ставшая первой женщиной-врачом в Японии и при императорском дворе в Токио.

В Лейдене были опубликованы такие книги Ф. Зибольда, как «Фауна Японии» в семи томах (1833–1850) и «Флора Японии» (1835). В 1841 г. в Лондоне издан труд «Манеры и обычаи японцев в XIX веке», первые 6 глав которого – это дневник пребывания в Дэсима и Эдо, а остальные 9 глав посвящены политическому, социальному и экономическому устройству Японии, ее истории, обычаям, религии, искусству, литературе, отношениям США, России и Китая.

С начала периода Токугава в 1603 г. и до фактического «открытия» страны в марте 1854 г. японцы попадали в Европу, а точнее в Санкт-Петербург, всего несколько раз и не по своей воле, после того как японские корабли терпели крушения у берегов Камчатки. Таким образом, сложно говорить о формировании образа европейцев и Европы.

Отношения с японцами, имевшими доступ на Дэсиму, были достаточно напряженными, поскольку им в силу политики государства были запрещены дружеские отношения с голландцами. По словам Э. Кемпфера, «ни один японец, замеченный в отношениях или дружбе с голландцами, не может считаться честным человеком и истинным патриотом своей страны. Эта максима основывается на следующем принципе: проявление какой-либо благосклонности к иностранцам абсолютно противоречит интересам страны, воле их государя, а также данной ими присяге, высшей воле богов и велениям совести» [Kaempfer, 1906: 173].

На Дэсима, где состав фактории, как правило, менялся раз в год, одновременно проживало от 12 до 20 европейцев, которые крайне редко выходили за пределы тщательно охраняемого острова. Это позволяет говорить, что круг общения европейцев и японцев в основном ограничивался переводчиками, службой, охраной и чиновниками, имевшими право находиться на Дэсима, и проститутками. За пределами Нагасаки японцы могли видеть 3–4 европейцев, направляющихся с посольством в Эдо в сопровождении многочисленного японского эскорта. Итогом редкого общения стали многочисленные легенды и слухи. Для японца голландец стал символом чужеземного и поэтому непривычного, а иногда и пугающего.

Приверженец национальной японской науки – кокугаку – Хирата Ацутанэ (1776–1843) проявлял большой интерес к голландской науке. Однако он утверждал, что «японцы не только не похожи на китайцев, индийцев, русских, голландцев, сиамцев, камбоджийцев и все другие народы, но и намного превосходят их». По его словам, «голландцы – народ, усердно изучающий науки, осуществивший глубокие исследования в самых разнообразных областях. Они весьма преуспели в медицине, так же как в астрономии и географии». Однако он не мог себе позволить поставить их на один уровень с японцами. «Глаза у них точь-в-точь собачьи. Поскольку у них нет пяток, они привязывают деревянные пятки к туфлям, что делает их похожими на собак... возможно, поэтому они похотливы как собаки. Это вместе с пьянством укорачивает их жизнь» [Jansen, 2000: 209]. Высоко оценивая европейскую медицину, он признавал ее преимущества по сравнению с китайской и японской, но объяснял это тем, что в древней Японии не было потребности в развитии медицины, поскольку до вступления в контакты с Китаем и другими странами японцы не страдали от серьезных заболеваний [Keen, 1969: 171].

Подобным легендам пытался противостоять один из первых рангакуся Оцуки Гентаку (1757–1827), написавший книгу «Заблуждения относительно голландцев», содержащую разоблачение бытовавших представлений о европейцах. По его словам, «из-за того, что голландцы не похожи на нас, вовсе не следует, будто они похожи на животных. Все мы порождение одного творца» [Otsuki, 1952: 75]. Тем, кто считал иностранцев животными, но спрашивал, почему они могут создавать множество замечательных вещей, философ и экономист Хонда Тосиаки (1744–1821) ответил, что «животные иногда бывают удивительно искусными» [Keen, 1969: 165].

Заключение

Португальское, а затем голландское присутствие в Японии началось в XVI в., и продолжалось до середины XIX в. Для Европы это было время, когда географические открытия XIV в. создали условия для строительства европейских колониальных империй, получивших контроль над большей частью мира. Одной из немногих стран, «открытых Европой» и не ставших жертвой ее колониальной политики, была Япония. Причины этого – создание в стране в начале XVII в. централизованного государства, сумевшего поставить под жесточайший контроль пребывание европейцев в стране, и максимальная изоляция Японии от внешнего мира.

Отношения голландцев с японцами весь период их пребывания в стране строились на строгих правилах, введенных сёгуном, территориально ограничивавших пребывание европейцев в фактории Дэсима. Если в отношении китайцев, чья торговля во много раз превышала торговлю с Нидерландами, применялись телесные наказания, то в отношении голландцев максимальным наказанием за нарушение пребывания в Японии был штраф или высылка.

Япония была вынуждена отказаться от изоляции, после того как у ее берегов появились корабли коммодора У. Перри и в 1854–1858 гг. были подписаны так

называемые Ансэйские договоры¹ между Японией и западными странами под давлением военной угрозы. Эти соглашения получили название «неравноправные», поскольку иностранцы получали право экстерриториальности и в отношении их товаров вводились льготные пошлины. Договор между Нидерландами и Японией был подписан в 1856 г. последним руководителем фактории на Дэсима Я. Куртисом (1813–1879). В соответствии с Договором о мире и дружбе, стороны устанавливали дипломатические отношения, однако парламент Нидерландов выразил недовольство отсутствием пунктов о торговых правах и о разрешении для голландцев исповедовать христианство, находясь в Японии. В 1857 г. это было добавлено в договор. Я. Куртис стал первым консулом посольства.

Характерное для Японии заимствование чужих культур сначала Китая, а затем Европы существенно замедлилось в силу закрытия страны, однако японцы, сохранив торговые отношения с Нидерландами, смогли создать условия для изучения достижений европейской науки и культуры. Немногие связи с внешним миром, которые сёгунат позволил сохранить, во многом способствовали развитию японской экономики, культуры и политической мысли.

Подводя итоги трех веков общения японцев с европейцами, можно сказать, что, несмотря на все те уступки, на которые Япония была вынуждена пойти под неприкрытым военным давлением США и стран Европы, она сумела избежать политической и экономической зависимости от колониальных империй. Итогом периода Бакумацу (конец эпохи Токугава), который начался в 1850-е гг., стала реставрация Мейдзи – время развития интенсивных контактов между Европой и Японией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пушкин А.С. (1978) *Полное собрание сочинений. Т. 7. Критика и публицистика*. Ленинград, Наука. 543 с.
- Свифт Дж. (2010) *Путешествия Гулливера*. Мир книги, Москва. 400 с.
- Jansen M. (2000) *The Making of Modern Japan*. Harvard University Press, Cambridge, USA. 931 p.
- Joby Ch. (2021) *The Dutch Language in Japan 1600–1900*. Brill, Leiden, Netherlands. 494 p.
- Kaempfer E. (1906) *History of Japan (1690–1692). Vol. II*. J. MacLehose and sons, Glasgow, UK. 397 p.
- Keene D. (1969) *The Japanese discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA. 272 p.
- Otsuki G. (1952) Ransetsu Benwaki. *Occasional papers - Center for Japanese Studies*. No. 3. University of Michigan, Ann Arbor, USA. P. 71–99.
- Siebold F. (1841) *Manners and Customs of the Japanese in the XIX Century*. John Murray, London, UK. 423 p.
- Sugita G. (1969) *Dawn of Western Science in Japan*. Hokuseido Press, Tokyo, Japan. 74 p.
- Theodore de Bary W., Gluck C., Tiedemann A.E. (2005) *Sources of Japanese Tradition. Vol 2: 1600 to 2000*. Columbia University Press, N.Y., USA. 1448 p.
- Thunberg C. (2005) *Japan Extolled and Decried Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796*. Routledge, London, UK. 319 p.
- Titsingh I. (1822) *Illustration of Japan*. R. Ackermann, London, UK. 325 p.

¹ Период Ансэй с 1854 по 1869 гг. назван по имени правления императора Комей.

Europeans in Japan: From Trade to Knowledge

M.G. Nosov*

*Corresponding Member Russian Academy of Sciences
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Abstract. The Dutch trading posts, first at Hirado and later at Deshima in northwest Kyushu, existed from 1609 to 1855. These almost two and a half centuries can be roughly divided in two parts. In the XVII th and the beginning of the XVIII th century the relations between the Dutch and the Japanese were marked by the mutual interest in trade and by the readiness of the Dutch to unconditionally obey the strict rules of their presence in Japan. The second half of Dutch presence at Deshima is characterized by decline of trade and increase of mutual interest. Trade began to decline after the Shogunate prohibited the export of gold and silver in 1668. In 1743 for the first time trade with Japan became unprofitable. In 1799 the Dutch East India Company (VOC) ceased to exist. This was due both to the loss of its markets in Persia, India, and Europe and to increased competition with England and France for colonial markets. Another reason for the company's bankruptcy was the managerial errors of its management – the company was paying dividends to shareholders in Holland that exceeded its profits. Despite the economic losses, both sides were in no hurry to end the relationship. For Japan, Deshima remained a small window to Europe, through which they learned about the outside world and its scientific and technological achievements. The emergence of qualified translators from the Dutch language in Japan coincided with the Shogunate's interest in the development of science, opened up a source of knowledge for the country and the emergence of a new branch of science, Rangaku, which means «Dutch science». The Netherlands, maintaining its trading post in Japan, proceeded not only from the desire to maintain its status as a global empire, but also got a chance to study and appreciate the rather unique intellectual and cultural potential of the Japanese, becoming a unique source of knowledge about this country for Europe. Last 15 years of Tokugawa period is called Bakumatsu (what means the «end of Tokugawa period»), which was followed by Meiji restoration, and development of intensive contacts between Europe and Japan.

Key words: Europe, Dutch, Netherlands, Japan, Tokugawa, Rangaku, trade

DOI: 10.31857/S0201708323030142

EDN: bugbzo

REFERENCES

- Jansen M. (2000) *The Making of Modern Japan*. Harvard University Press, Cambridge, USA.
Joby Ch. (2021) *The Dutch Language in Japan 1600–1900*, Brill, Leiden, Netherlands.
Kaempfer E. (1906) *History of Japan (1690–1692)*. Vol. II, J. MacLehose and sons, Glasgow, UK.

Keene D. (1996) *The Japanese discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA.

Otsuki G. (1952) Ransetsu Benwaki, *Occasional papers – Center for Japanese Studies*, 3, University of Michigan, Ann Arbor, USA, pp. 71–99.

Pushkin A.S. (1978) *Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. Kritika i publitsistika* [Full composition of writings. Vol. 7. Criticism and journalism], Leningrad, Nauka, Russia. (In Russian).

Siebold F. (1841) *Manners and Customs of the Japanese in the XIX Century*. John Murray, London, UK.

Sugita G. (1969) *Dawn of Western Science in Japan*. Hokuseido Press, Tokyo, Japan.

Swift Dzh. (2010) *Puteshestviya Gullivera* [Gulliver's Travels], Mir knigi, Moscow, Russia. (In Russian).

Theodore de Bary W., Gluck C., Tiedemann A.E. (2005) *Sources of Japanese Tradition. Vol 2: 1600 to 2000*, Columbia University Press, N.Y., USA.

Thunberg C. (2005) *Japan Extolled and Decried Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796*. Routledge, London, UK.

Titsingh I. (1822) *Illustration of Japan*. R. Ackermann, London, UK.